

Считаем, что положительный опыт широкого внедрения ВКС в стадии досудебного производства в зарубежных странах, особенно при проведении предварительного расследования, вполне целесообразно использовать при совершенствовании УПК РФ. Так, в частности, в УПК РФ необходимо регламентировать основания производства процессуальных действий с использованием ВКС. Это послужит гарантией обеспечения ее эффективности. Весьма перспективной, по нашему мнению, может являться возможность использования ВКС не только при производстве следственных действий, но и при избрании (продлении) мер пресечения, для применения которых требуется решение суда (заключение под стражу, домашний арест, залог, запрет опреде-

ленных действий). Это будет способствовать упрощению данной процедуры, экономии процессуальных сроков.

Таким образом, можно заключить, что реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства в условиях противодействия распространению коронавирусной инфекции имеет определенные сложности, которые носят как процессуальный характер, так и организационный. Ситуации пандемии и самоизоляции актуализировали вопросы, связанные с развитием цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, поэтому несомненную актуальность и целесообразность представляет расширение возможностей удаленных форм участия при производстве по уголовному делу.

Литература

1. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 14.12.2021 № АПЛ21-487 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 23.09.2021 № АПЛ21-351 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Качалова О.В. Права человека в уголовном судопроизводстве: кризис эпохи коронавируса // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2020. № 3. С. 60-68.
4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.12.2021 № 501-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 01.03.2022).

Е.В. Василькова

Барнаульский юридический институт МВД России

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ О СРОКАХ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

В рамках уголовного процесса современной России создано немало механизмов, призванных обеспечивать соблюдение прав и свобод человека, гарантированных законом: это определение правового статуса конкретного участника уголовного судопроизводства, установление особой процедуры санкционирования действий должностных лиц, реабилитация и т.д. Особую роль в данной системе защиты прав и свобод игра-

ет институт сроков, на котором мы остановимся подробнее.

Процессуальные сроки четко устанавливают границы каждой стадии уголовного процесса, и для любого этапа деятельности лиц, осуществляющих уголовно-процессуальные функции, установлены определенные временные рамки. При этом для каждого определенного Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ)

срока неизменным остается системообразующий для него принцип – принцип разумного срока уголовного судопроизводства, закрепленный в ст. 6.1 УПК РФ [1].

Отметим, что с начала уголовного преследования, коим исследователи считают временную точку регистрации сообщения о готовящемся или совершенном преступлении [2, с. 159], начинается объемная работа правоохранителей по проверке поступивших сведений в соответствии со ст. 144 УПК РФ на предмет действительности события преступления, а также наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Тем не менее именно для установления обозначенной информации законодателем отведен максимально сжатый временной промежуток, учитывая масштаб работы, которую необходимо провести.

Так, в соответствии со ст. 144 УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о преступлении и вынести по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения [1]. При необходимости по мотивированному ходатайству лица, производящего проверку, этот срок может быть продлен до 10 суток, а при возникновении объективных факторов, не позволяющих уложиться и в данный срок (их перечень является исчерпывающим и представлен необходимостью проведения оперативно-розыскных мероприятий, документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов и трупов, а также судебных экспертиз), – и до 30 суток [1]. Возможности дальнейшего расширения указанных временных рамок закон не предусматривает.

На практике же нередки случаи (а по отдельным категориям уголовных дел подобное явление воспринимается, скорее, как данность), когда следователь в случае отсутствия у него результатов проведения экспертизы, служащей едва ли не единственным основанием для принятия решения о возбуждении уголовного дела или отказе в нем, вынужден принимать де-факто необоснованное решение. Так, например, при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 264 УПК РФ, следователь должен располагать подтвержденными заключением эксперта сведениями о причинении лицу тяжкого вреда здоровью. В противном случае деяние, совершенное лицом, нарушившим Правила дорожного движения РФ (при причинении любой иной степени тяжести вреда здоровью), будет квалифицироваться в соответствии с нормами административного законода-

тельства, и ни о каком уголовном преследовании не может быть и речи. Однако анкетирование следователей, проведенное в отделе по расследованию ДТП СУ УМВД России по г. Барнаулу, показало, что по каждому четвертому материалу проверки сообщения о преступлении 30 суток оказывается недостаточно для вынесения законного и обоснованного решения именно в связи с отсутствием результатов судебно-медицинской экспертизы, которая производится лишь после выздоровления пострадавшего (на деле же восстановление после ДТП может занять не один месяц, и не всегда точно возможно до этого установить, тяжкий или, например, средней тяжести вред здоровью был причинен). В этой связи следователи по истечении срока в 30 суток вынуждены выносить незаконное (необоснованное) постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Данное решение (поскольку по факту противоправное деяние все же было совершено) порождает необходимость вынесения иных документов различными должностными лицами (постановления об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела руководителем следственного органа или прокурором с установлением срока дополнительной проверки) и, на наш взгляд, создает бюрократические препятствия для осуществления разбирательства в рамках уголовного процесса.

Подобная ситуация, когда в связи с ожиданием результатов судебно-медицинской экспертизы для принятия законного и обоснованного решения необходимо время, априори большее, чем 30 суток, характерна и для других категорий уголовных дел, например по делам о причинении различной степени тяжести вреда здоровью. В данном случае речь идет о корректном определении статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой будет производиться возбуждение уголовного дела, в связи с чем также очевидна необходимость обязательно дожидаться результатов экспертизы.

Устранить подобный пробел, на наш взгляд, позволит расширение максимального срока проверки сообщения о преступлении. Мы предлагаем ч. 3 ст. 144 УПК РФ дополнить следующим положением: «В случае если для принятия законного и обоснованного решения требуется проведение судебной экспертизы, срок, установленный частями первой, третьей настоящей статьи, может быть продлен руководителем следственного органа по мотивированному ходатайству следователя, а прокурором – по мотивированному ходатайству дознавателя до момента, не превышающего 3 суток со дня получения следователем или дознавателем заключения эксперта».

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Яковлева С.А. Начало возникновения уголовного преследования // Марийский юридический вестник. 2013. № 10. С. 156-160.

*Н.М. Журавлева, канд. юрид. наук
Уральский юридический институт МВД России*

К ВОПРОСУ О ВОСТРЕБОВАННОСТИ МЕДИАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В середине 2010 г. для урегулирования правовых споров, возникающих в ходе гражданских, административных и иных публичных правоотношений, введен федеральный закон о медиации [3]. Медиация представляет собой урегулирование конфликта посредством достижения компромисса между заинтересованными сторонами при участии независимого посредника, иными словами – примирение.

На первый взгляд, буквальное толкование ч. 2 ст. 1 обозначенного нормативного правового акта может вызвать сомнение по поводу того, что действие закона касается сферы уголовного судопроизводства, потому как законодатель указывает направления его действия на определенные виды правоотношений. Несмотря на то что в упомянутой норме напрямую не перечислены уголовно-процессуальные и уголовно-правовые отношения, считаем, что речь о них идет в контексте «иных публичных правоотношений».

Обращение к юридической литературе свидетельствует о том, что различным аспектам медиации в отечественном уголовном судопроизводстве, в частности наличию предпосылок, имеющимся возможностям и перспективам развития, посвящено достаточное количество научных исследований и трудов, которые указывают на необходимость закрепления медиативных процедур в уголовно-процессуальном законодательстве [1, 2, 4].

Мы же полагаем, что правовой институт медиации не только необходим, но будет востребован у правоприменителей при производстве по уголовным делам. Аргументируем свою позицию.

Во-первых, медиативные процедуры есть не что иное, как примирение двух конфликтующих сторон. Отечественное уголовное судопроизводство предусматривает аналогичное разрешение уголовно-правового спора в рамках применения положений ст. 25

УПК РФ. Из содержания данной нормы следует, что осуществление медиативной процедуры возможно как в ходе предварительного расследования, так и при рассмотрении дела судом по существу. Это позволяет выделить два вида медиации – досудебную и судебную, критерием разграничения которых является субъект, осуществляющий производство по уголовному делу. Кроме того, следует отметить, что достижение компромисса на досудебном производстве способствует сокращению сроков разрешения уголовно-правового конфликта, уменьшению затрат сил и средств, а затрагиваемые перечисленные последствия напрямую связаны с процессуальной экономией, имеющей немалое значение для уголовного судопроизводства.

Отдельно следует уделить внимание вопросу о том, кем будет осуществляться процедура примирения. Так, ст. 25 УПК РФ говорит об участниках уголовного процесса, которые уполномочены принять решение о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон. Они же и разъясняют порядок и условия примирения. Далее переговоры по достижению компромисса идут между потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым), как правило, при участии защитника. Иными словами, в описанной ситуации независимый посредник в урегулировании спора отсутствует. Полагаем, что участие в разрешении конфликта только заинтересованных сторон может повлечь различного рода злоупотребления. В этой связи считаем, что в процедуре примирения между потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым) должен участвовать именно медиатор как независимый посредник разрешения конфликта.

Во-вторых, одним из направлений назначения уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц, которым преступными действиями причинен какой-либо вред (п. 1 ч. 1 ст. 6